

УДК 82.09(470)(092)+32(091)

И.С. ТУРГЕНЕВ — ТЕОРЕТИК И ПРАКТИК КРЕСТЬЯНСКОГО ДЕЛА В РОССИИ
Статья первая

© 2020 г.

В.А. Кутаев

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

vlakit@mail.ru

Поступила в редакцию 25.08.2020

Рассматриваются взгляды И.С. Тургенева по вопросу об отмене крепостного права в России в период 1840–1850-х гг. Выявляются моменты их изменения в связи с трансформацией тургеневского либерализма в целом, характеризуется хозяйственная практика Тургенева-помещика накануне реформы 1861 г. Анализу подвергнуты влияния на позицию писателя идей декабриста Н.И. Тургенева и расхождения между ними в деле подготовки своих крестьян к освобождению. Предпринята попытка усилить аргументацию в пользу принадлежности «Записки о крепостном праве в России» И.С. Тургеневу.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, Н.И. Тургенев, отмена крепостного права в России, либерализм, экономическая свобода, земельный надел, крестьянская община, «Записка о крепостном праве в России».

На первый взгляд, заявленная тема может показаться лишенной какой-либо исследовательской перспективы в силу ее очевидной хрестоматийной предрешенности. Ведь за ее формулировкой стоит вопрос об отношении Тургенева к институту крепостного права и его отмене; а либеральное антикрепостничество, присутствующее общественно-политической позиции писателя, очевидно и не нуждается в умножении доказательств.

Но по мере углубления в предмет выясняется, что можно и нужно все-таки продвигаться дальше, обращаясь к проблемам, мимо которых проходили (или не уделяли им достаточного внимания) биографы писателя, историки русской литературы и общественной мысли. К таким проблемам можно было бы отнести следующие: 1) первоначальное содержание тургеневской концепции крестьянской свободы и ее дальнейшая эволюция; 2) усвоенные им идейные влияния и особенности его позиции по крестьянскому вопросу в сравнении с взглядами других представителей либерального лагеря; 3) отношение к правительственной программе отмены крепостного права накануне 1861 г. и по ходу реформы; 4) попытка корректировать правительственную политику в крестьянском вопросе в пореформенный период; 5) реформаторская практика в собственных имениях на рубеже 1850–1860-х гг.; 6) впечатления от жизни деревни в условиях ломки крепостного строя.

Эти вопросы и будут находиться в центре предлагаемого исследования. Оно состоит из двух статей, освещающих взгляды и деятельность Тургенева 1840–50-х и 1860-х – начала 1880-х гг.

Первым развернутым и в какой-то мере уже публичным высказыванием Тургенева по кре-

стьянскому вопросу стала его записка «Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине». Она была подготовлена по заданию министра внутренних дел Л.А. Перовского к концу декабря 1842 г. Тургенев тогда пытался начать свою служебную карьеру в канцелярии министерства.

Было бы, конечно, наивно ждать от автора этого служебного документа антикрепостнических по духу откровений, даже если они и просились на бумагу. Самым значительным, на что он отважился здесь, было предложение приступить, прежде всего, к устранению двух «важнейших хозяйственных неудобств»: «чересполосности» помещичьих и крестьянских земель и «недостатка законности и положительности в отношении помещиков к крестьянам» [1, т. 1, с. 423].

В тексте Записки, правда, есть фраза: «Нашим помещикам предстоит разрешить великую задачу будущности крестьян» [там же, с. 428]. Но смысл ее не поддается однозначной расшифровке, и вряд ли она могла прочитываться руководством министерства как знак завуалированных антикрепостнических устремлений автора. Тем более что рядом с рассуждением о «великой задаче будущности» выстраивались доводы в пользу незыблемости института крепостного права.

Тургенев решительно отказывался называть «крепостное состояние» рабством. «Их (крестьян. – В.К.) так называемое рабство было предметом многих довольно пустозвонных разглагольствований, показывающих часто совершенное неведение истинных потребностей, – писал он. – Мы желаем законности и твердости в отношении помещиков к крестьянам; законность исключает прихоть владельца, а потому и то, что называют рабством. Рабство есть нехристи-

анское понятие, и потому в христианском государстве существовать не может и никогда не существовало» [там же, с. 428]. Тут же приводились примеры негативных последствий освобождения крестьян в странах Европы. Брать пример с иностранцев в этом вопросе, по его убеждению, не имело никакого смысла, «ибо все наши учреждения, настоящие и будущие, имеют совершенно другой источник, другой характер» [там же, с. 427]. По Тургеневу, не следовало торопиться с предложениями по улучшению положения крестьян, ибо «многие поспешно предлагаемые улучшения» в этом деле «не только не уничтожают, но даже упрочивают рабство» [там же]. Возвращаясь к отвергнутому перед этим определению крепостного состояния как рабства, автор записки противоречил самому себе.

Комментаторы Записки в академическом собрании сочинений и писем Тургенева уже обратили внимание на явную переключку его мышлений над проблемой крепостного права в России с суждениями Пушкина на ту же тему в его «Путешествии из Москвы в Петербург», вошедшем в одиннадцатый том посмертного издания «Сочинений Александра Пушкина» (он увидел свет в 1841 г.): «Взгляните на русского крестьянина: есть ли тень рабского уничижения в его поступи и речи? — читаем у Пушкина. — <...> В России нет человека, который бы не имел своего *собственного жилища*. <...> Этого нет в чужих краях. Иметь корову везде в Европе есть знак роскоши, у нас не иметь коровы есть знак бедности. <...> Судьба крестьянина улучшается со дня на день по мере распространения просвещения... Благосостояние крестьян тесно связано с благосостоянием помещиков; это очевидно для всякого» [2, с. 258]. Пушкин не отрицает необходимости «великих перемен» в положении крестьянина, но не видит надобности в том, чтобы «торопить время», и относит его освобождение в неопределенное будущее.

Тургенев выглядит в своей Записке конформистом по отношению к институту крепостного права, и вряд ли этот конформизм был вынужденным, продиктованным особенностями жанра того документа, который он готовил по поручению министра. Но как в таком случае относиться к той характеристике его убеждений середины 1830-х гг., которую Тургенев дал в письме С.А. Венгеру от 19 июня (1 июля) 1874 г.? Вот что он писал: «Мне было тогда 16 лет. Ненависть к крепостному праву уже тогда жила во мне — она, между прочим, была причиной тому, что я, возросший среди побоев и истязаний, не осквернил руки своей ни одним ударом — но до «Записок охотника» было далеко. Я был просто мальчик — чуть не дитя» [3, т. 13, с. 120].

Эта автохарактеристика плохо совмещается с содержанием Записки 1842 г. Какому же из двух этих источников должен отдать предпочтение современный исследователь? Мы выбираем Записку, ибо ретроспективное эпистолярное свидетельство как биографический документ все же уступает ей по части объективности.

В 1968 г. Т.П. Ден опубликовала «Записку о крепостном праве в России» как текст, принадлежащий, по ее мнению, И.С. Тургеневу, и датировала его временем публикации — 1857 г. Нам еще предстоит анализировать этот документ. А сейчас следует остановиться на еще одной немаловажной находке, сделанной публикатором. Т.П. Ден обратила внимание на статью Луи Виардо «De l'Affranchissement des serfs en Russie», напечатанную в 1846 г. в журнале «Revue Independante» (t. III). По ее убеждению, основную часть этого выступления составлял текст, написанный Тургеневым. Она его называет «запиской». Однако Т.П. Ден не нашла прямых, абсолютно достоверных свидетельств принадлежности Записки Тургеневу. «Отметить участие Тургенева в статье в «Revue Independante», — пишет она, — Л. Виардо, не решился, так как журнал этот находился на особом цензурно-полицейском учете» [4, с. 113]. По этой причине текст отсутствует даже в разделе «Dubia», который появился во втором Полном собрании сочинений и писем Тургенева. Но сумма фактов, сопровождавших историю предположительно тургеневской части статьи Виардо (они приведены Т.П. Ден), склоняет все-таки к признанию возможности рассматривать ее в качестве одного из источников нашей темы. Повидимому, Записка была написана по-французски. Л. Виардо принадлежит редакция ее текста.

Т.П. Ден указала на многоговорящий факт совпадения по времени статьи Виардо и Тургенева с их же совместным переводом «Капитанской дочки» Пушкина, опубликованной в мае 1846 г. в «Illustration». «Обе публикации, — отмечает она, — были связаны между собою. Они знакомили Европу как с состоянием закрепощенного русского крестьянства, так и с крестьянским восстанием Пугачева, упомянутым в статье «Revue Independante» 1846 г.» [там же, с. 114].

Что касается непосредственно текста Записки, вошедшей в статью Л. Виардо, то он, по мнению Т.П. Ден, тематически близок уже известной нам служебной записке 1842 г. «Но в тоне обеих записок, — отмечает она, — большая разница. В записке 1842 г. Тургенев пишет очень осторожно об освобождении крестьян и с почтительностью отмечает проекты правительства в этом направлении. В записке 1846 г. он решительно настаивает на освобождении кре-

стьян и негодует по поводу медлительности правительства» [там же, с. 112].

Для нас важно еще одно замечание Т.П. Ден. «Подобно Н.И. Тургеневу, – пишет исследователь, – он предлагает освободить крестьян без земли и, по образцу Франции, превратить их в фермеров, так как освобождение с землей вызовет сильное противодействие дворян и тем самым замедлит эмансипацию» [там же, с. 113].

Упоминание здесь имени политического эмигранта, декабриста Н.И. Тургенева вместе с замечанием о сходстве его взглядов с позицией дальнего родственника в вопросе о земле для освобождаемых крестьян появилось не случайно. И.С. Тургенев познакомился с ним в июне 1845 г. в Париже [5, с. 276–278], и это знакомство переросло в дружбу. Иван Тургенев очень высоко оценивал общественное значение личности Николая Тургенева. Для него это был человек, «призванный на совершение именно того дела, к которому он был как бы заранее предназначен». Слова эти прозвучали в речи писателя 19 февраля 1863 г. Дело, о котором говорил здесь И.С. Тургенев, было делом крестьянского освобождения. Именно оно «легло в основание всей его деятельности, всей его жизни». Ему он «не переставал служить под ударами несчастья, в изгнании, в удалении от отечества» [1, т. 12, с. 321–322].

Начавшееся в середине 1840-х гг. общение с этим крупным экономистом и социально-политическим мыслителем, конечно же, не могло не оставить отпечатка на взглядах молодого И.С. Тургенева по крестьянскому вопросу. Тем более что именно в это время Николай Тургенев завершал работу над книгой «Россия и русские», через содержание которой красной нитью проходила тема крестьянской эмансипации. Этот трехтомный труд был издан в апреле 1847 г. на французском языке одновременно в Париже, Брюсселе и Гааге.

Что же представляла собой программа решения крестьянского вопроса, предлагавшаяся здесь Н.И. Тургеневым?

Он начинал с призыва к правительству «прямо и открыто приступить к решительному освобождению» [6, с. 259]. Способов освобождения, по Н.И. Тургеневу, может быть два. Первый, «безусловный, или простой», предполагал дарование «рабу» только «личной», «человеческой» свободы. Второй, названный «покровительственным, или квалифицированным», давал крестьянину вместе с личной свободой в «собственность или хотя бы в пользование тот участок земли, который он, будучи рабом, орошал своим потом». «В любом случае необходимо закрепить за освобожденным то, чем он обладал, будучи рабом. В России каждый крепостной считает своей собственностью дом, где он живет, домашнюю утварь, лошадей, коров и пр.:

он их продает и покупает, не спрашивая разрешения хозяина» [там же].

Прусский опыт, по мнению Н.И. Тургенева, мог рассматриваться в качестве примера освобождения по второму варианту. Успех «постепенного» перехода земледельцев здесь к свободе и признанию их полной собственности на «часть земель, которые они обрабатывали», объяснялся Тургеневым как спецификой условий, в которых находились земледельцы в этой стране, так и превосходством ее административно-судебной системы в сравнении с Россией.

В России, в отличие от Пруссии, не было «ни наследственных, ни каких-либо иных фермеров». Здесь же, в Пруссии, не знают, что такое общинное устройство, в то время как в России «часть земель, которые, в каждом имении русские крестьяне обрабатывают для себя, не поделена на постоянные участки; напротив, участки все время переходят из рук в руки; меняются их размеры». «Пруссия, – пишет Н.И. Тургенев, – гораздо более развита, чем Россия; там есть правильно поставленные, а в некоторых отношениях даже образцовые административные органы и суд. Управление в России представляет собой хаос» [там же, с. 265].

Все это диктовало особенности перехода крестьян к свободе в России. «Добро здесь можно осуществлять только в широких масштабах, в виде общих мер, всеохватных, но простых. Новшества надо вводить легко и быстро; не должно быть ничего сложного; главное же – нельзя рассчитывать на способности и добрые намерения чиновников, которым предстоит проводить эти реформы в жизнь» [там же]. Неизбежный вывод из сопоставления еще не реформированной России и уже пережившей преобразования Пруссии звучал так: «От ненадежных выгод лучше отказаться, ограничившись *простым* (выделено нами. – В.К.) освобождением. <...> Остальное уже дело времени» [там же].

Будучи уверенным в том, что Россию на данном историческом этапе ее ждет «простое» (т.е. без земли) освобождение, Н.И. Тургенев все-таки не рассматривал его как окончательное решение крестьянского вопроса. Идеальным способом освобождения оставался для него все же такой, который обеспечил бы крестьянина «собственностью на участок земли» [там же, с. 407].

Рассматривался в книге Н.И. Тургенева и третий вариант реформирования отношений между помещиками и крестьянами – на случай возникновения обстоятельств, «потребующих простого и окончательного решения» одновременно. При таком развитии событий крестьяне должны были получить «треть или четверть пахотных земель и пастбищ и свои дома». Раздача земель ни в коем случае не должна была предусматривать какого-либо возмещения

убытков для помещиков. Тут, кстати, не заставил себя ждать экономический либерализм мыслителя: дарованная земля, в его проекте, не могла стать собственностью общины. В противном случае это бы не соответствовало замыслу сделать отдельных земледельцев собственниками земли. Сохранение общинного устройства было чревато «беспорядками, трудностями и жертвами» [там же, с. 409]. Предоставленную крестьянам землю следовало как можно точнее отделить от помещичьей.

По какому бы пути ни пошло в России решение крестьянского вопроса, мудрый законодатель, полагал Н.И. Тургенев, должен быть уверен в одном: «квалифицированное освобождение выгоднее для самих землевладельцев, нежели простое, ибо от свободного владения землями, свободного труда и счастливого состояния крестьян они получают больше, чем потеряют, расставаясь с частью своей собственности» [там же, с. 410].

В общении двух Тургеневых, конечно же, находилось место для обсуждения тех проблем крестьянского освобождения, которые были подняты в книге «Россия и русские», в том числе и вопроса о судьбе земельного надела. Признание старшим из них безземельного выхода крестьян на свободу как наиболее оптимального и реалистического в условиях современной России разделялось будущим автором «Записок охотника», что и нашло отражение во включенной в статью Виардо тургеневской Записке 1846 г. Напомним, что «Записки охотника», вошедшие в золотой фонд русской литературы XIX в., создавались с конца 1846 г. до начала 1851 г. и одновременно печаталась в журнале «Современник».

Характеристика «Записок охотника» в тургеневедческих исследованиях начинается, как правило, с утверждения, что это произведение является «художественным судом писателя над крепостничеством и теми явлениями русской действительности, которые сложились в условиях векового господства этого строя» [1, т. 3, с. 399]. Эта традиция первоочередной акцентировки социальной направленности книги была заложена еще оценками Белинского и Герцена. Да и сам автор (правда, лишь спустя два десятилетия после начала публикации книги) ощутил потребность сформулировать ее главный идейный посыл. Вот что он писал в 1868 г., предваряя свои «Литературные и житейские воспоминания»: «Я не мог дышать одним воздухом, оставаться рядом с тем, что я возненавидел; для этого у меня, вероятно, недоставало надлежащей выдержки, твердости характера. Мне необходимо нужно было удалиться от моего врага затем, чтобы из самой дали сильнее напасть на него. В моих глазах враг этот имел определенный образ, носил известное имя: враг

этот был — крепостное право. Под этим именем я собрал и сосредоточил всё, против чего я решился бороться до конца, с чем я поклялся никогда не примиряться. <...> Это была моя аннибаловская клятва; и не я один дал ее себе тогда» [1, т. 11, с. 9].

Но было бы, наверное, упрощением видеть в авторском замысле и его воплощении в «Записках охотника» только заявление антикрепостнического протеста. Тенденциозность этого рода, если она и присутствовала в некоторых рассказах, выражалась не столь сильно, чтобы убить все-таки преобладавший здесь дух «задушевной бытовой поэмы» [7, с. 32–49]. Кстати, В.П. Буренин, которому принадлежит это определение жанровой природы «Записок охотника», обратил в свое время внимание и на то, как по-разному оценивал В.Г. Белинский силу социального звучания двух появившихся одновременно произведений: «Записок охотника» И.С. Тургенева и «Антон Горемыки» Д.В. Григоровича. По-настоящему потрясло его только второе. «Ни одна русская повесть, — писал Белинский В.П. Боткину в декабре 1847 г., — не производила на меня такого страшного, гнетущего, мучительного, удушьяющего впечатления; читая ее, мне казалось, что я в конюшне, где благонамеренный помещик порет и истязует целую вотчину — законное наследие его благородных предков» [8, с. 445]. Оценки тургеневских рассказов на таком фоне выглядели куда более сдержанными.

Как бы ни оценивалось значение антикрепостнических мотивов в художественной ткани «Записок охотника», бесспорно одно: книга является свидетельством того, что ее автор твердо стоял на позиции неприятия любых форм угнетения русского крестьянина. Ее отвердению способствовали не только контакты с Николаем Тургеневым, но и вхождение писателя в круг западников 1840-х гг., где ведущая роль принадлежала В.Г. Белинскому.

Уверенно заявив о себе как писатель-беллетрист, Тургенев не оставлял опробованного в 1842 и 1846 гг. жанра записки по крестьянскому вопросу. Каких-либо прямых, собственно тургеневских свидетельств о работе над еще одним, третьим по нашему счету текстом этого рода на исходе 1840-х гг. и в 1850-е гг. нет. Но таковой существует. История же его появления во французской печати, а затем и в собрании сочинений писателя такова.

В январском номере журнала «Revue de Paris» за 1857 г. был опубликован очерк Луи Виардо «Histoire de Dmitri (etude sur la situation des serfs en Russie)» («История Дмитрия (этюда о положении крепостных в России)»). В него и входила «Записка о крепостном праве в России». Ее автора Виардо представил своим «рус-

ским другом». «Характеристика «русского друга», данная Л. Виардо (дворянин, владелиц крепостных душ, получивший образование в Германии, где проникся либеральной философией Гегеля и Фихте, потом жил во Франции), – пишет комментатор текста Г.А. Тиме, – позволяет предположить, что автор вставки в «Историю Дмитрия» – И.С. Тургенев» [1, т. 12, с. 704]. Имя Тургенева было скрыто во избежание цензурно-полицейских преследований писателя в России. «Историю Дмитрия» Виардо включил в книгу своих исторических очерков, которая увидела свет в Париже летом 1857 г. Она была запрещена в России.

Текст Записки, впервые опубликованный Т.П. Ден, был включен впоследствии в 12-й том 2-го Полного собрания сочинений и писем Тургенева в 30-ти томах (раздел «Dubia»). Решение, принятое редакцией этого издания, выглядит вполне обоснованным.

В тургеневском тексте есть важный датирующий признак – упоминание о будущем императоре Александре II как наследнике престола. Следовательно, написана была Записка еще до смерти Николая I. Можно с уверенностью говорить и о времени рождения замысла «русской новеллы» с включением в нее Записки Тургенева – январь 1848 г. Об этом свидетельствует дата письма Луи Виардо Тургеневу, где он приглашал его к соавторству [9, с. 226].

Т.П. Ден задавалась вопросом, почему Записка Тургенева не могла появиться в «Полярной звезде» или «Колоколе». Отвечая на него, она указывала на то, что для Герцена и Огарева тургеневский текст «уже не представлял сколь-нибудь значительного интереса, так как полностью был обращен в прошлое, без проекции в настоящее или будущее» [4, с. 118]. Такое видение проблемно-временной ориентации Записки не кажется нам убедительным. Проекция если не в будущее, то в настоящее, в «нынешнее», как говорит сам Тургенев, «положение вещей» определенно имеет здесь место. Записка Тургенева была обращена, прежде всего, к европейскому читателю. Ему адресовалось объяснение сути тех особенностей России, которые пока еще отличали ее от других «цивилизованных наций» Европы, и назывались главные проблемы, тормозившие ее развитие.

Уже сейчас, полагал он, «Россия во всех отношениях представляет одну из величайших держав мира» и «во многих отраслях современной цивилизации русские в конце концов догнали своих учителей». Но достигнуто все это пока только на «пути материального развития». В отношении же своих учреждений Россия остается далеко позади цивилизованных народов, и «в этом смысле она еще принадлежит Азии» [1, т. 12, с. 531]. Таковыми являются са-

модержавие как «абсолютная наследственная власть, не знающая ни узды, ни ограничений, ни пределов», и крепостное право – этот «величайший анахронизм, противный духу нашего времени». Задача уничтожения крепостничества и стоит сейчас на первом месте.

Тургенев оптимистически оценивал степень готовности общества к ликвидации института крепостничества: «В самой России, даже в сословии помещиков, которые одни лишь заинтересованы в сохранении крепостного права, никто уже больше не защищает его как принцип. Сейчас оно осуждается как общественным мнением, так и личным сознанием каждого человека <...>» [там же, с. 532].

Не было оснований обвинять в апатии и бездействии правительство. Освобождение крепостных в России, «давно уже подготовленное в государственных учреждениях», стоит на очереди – «остается лишь выбрать подходящий момент» для этого шага. Особые надежды возлагались Тургеневым на великого князя-наследника Александра Николаевича, который, в чем был уверен писатель, «твердо решил осуществить в свое царствование этот великий и святой общественный переворот» [там же, с. 533]. Но непонятным и потому тревожащим остается настроение, царящее в «бездонных глубинах крепостного населения». Ясно только одно. Если общество и власть желают предотвратить явление «нового Пугачева, то им «пора задуматься и поразмыслить» [там же, с. 546–547].

Разработку своей главной темы Тургенев начал с объяснения особенностей формирования крепостнической системы в России в сравнении с рабством и феодализмом на Западе. Бесспорно, нужно было бы последовать здесь за автором, если бы в ряду наших задач стояла и характеристика его исторических воззрений. Но это – вполне самостоятельная проблема, и углубление в нее увело бы нас в сторону от предмета данной статьи. Ограничимся пока указанием на тургеневскую констатацию того, что после введения Юрьева дня 21 ноября 1601 г. основная масса подданных российского самодержца превратилась «в рабов привилегированной касты». «Это положение вещей, – пишет он, – длится уже двести пятьдесят лет и его надо изменить раньше, чем ему исполнится три столетия» [там же, с. 538]. Как видим, Тургенев не очень оптимистичен в определении сроков отмены крепостного права в России. Здесь, собственно, заканчивается историческая часть Записки и начинается анализ тех трудностей, с которыми, как он предполагал, столкнутся власть и общество, осознав, наконец, необходимость освобождения крестьян. А далее следовало разъяснение основополагающих принципов реформы, как их понимал автор.

Говоря о сложностях реформирования отношений между помещиками и крестьянами, Тургенев указывал прежде всего на возможное сопротивление первых. Это опасение звучало некоторым диссонансом к уже прозвучавшей характеристике настроений дворянства в пользу отмены крепостного права. Однако существовала все-таки причина вероятного противодействия. Землевладельцы будут опасаться того, что их вынудят «отказаться от права собственности на свои владения». Правда, опыт освобождения крестьян в Европе отнюдь не говорил о неизбежности именно такого результата. Здесь помещик уступил свою землю крестьянину только во «временное владение», в аренду. Крепостной «превратился повсюду в арендатора-фермера» [там же]. Именно такое преобразование надлежит провести в России. Помещики должны считать себя счастливыми, полагал Тургенев, «если, потеряв право владеть людьми, они сохраняют все же собственность на землю» [там же, с. 540].

Как ни важен был учет настроений помещиков, все же вопрос об отношении крепостных к грядущей свободе являлся, по мнению Тургенева, «узловым». Именно они, жертвы крепостного права, и будут, по его убеждению, «основным препятствием к его отмене». Тургенев попытался объяснить этот российский феномен.

Предстоящая свобода не обещает равенства, в то время как институт крепостного права гарантировал равенство в несвободе. «Каждый русский крестьянин входит в состав общины и имеет право на земельный надел, в России нет пролетариев» [там же, с. 541]. «Следует признать, что такое равенство в положении крестьян сильно облегчает те бедствия, которые несет в себе всеобщее порабощение. Люди с большим терпением и покорностью переносят состояние, которому подвержены также их соседи и их близкие. Едва ли они стремятся к чему-то лучшему, и крепостной, не смея и мечтать о положении господина и понятия не имея о каком-либо промежуточном между ними состоянии, не видит вокруг себя предмета для сравнения, который бы мог возбудить в нем зависть и помог бы ему уяснить его собственные права. При такого рода коммунизме на практике возникают и некоторые материальные преимущества. <...> Собственность, даже такая призрачная общинная собственность, кажется ему ценнее и дороже свободы. Как же вы убедите его в том, что дать ему свободу, отняв все остальное, пустить его голым по большой дороге, без земли, без крова, без скота и орудий труда, без запасов и денег, заявив ему: «Ты теперь сам себе хозяин, иди куда хочешь», — это значит проявить по отношению к нему сострадание и великодушие,

оказать ему величайшую услугу и величайшее благодеяние?» [там же, с. 543–544].

Главной же трудностью в деле отмены крепостного права будет, полагал Тургенев, решение вопроса о земле: «Для того, чтобы крепостной принял свое освобождение как благодеяние, следовало бы к дарованной ему свободе прибавить также и орудия труда, т.е. денежные средства и землю, а кроме того, обеспечить ему равенство перед лицом закона» [там же, с. 543]. Поначалу может показаться, что Тургенев готов настаивать на таком «благодеянии», готов пойти навстречу крестьянскому убеждению, «что земля, к которой он прикреплен, которую он орошает своим потом, которая кормит его <...> — что эта земля принадлежит ему». Но такой шаг навстречу крестьянам, вынужден признать он тут же, стал бы «коренным общественным переворотом, который смёл бы сословие дворян и отдал бы землю тем, кто считает ее хозяевами, потому что обрабатывает ее» [там же, с. 544]. Понятно, что подобная перспектива выглядела в глазах Тургенева устрашающей.

Идти же вперед следовало путем, проложенным Европой. Здесь отмена крепостного права явилась «простым изменением в положении господ, ставших землевладельцами, и в положении крепостных, ставших фермерами». Эту цель и следовало прояснять крестьянам. «Надо было бы, с одной стороны, дать им понять, что им не принадлежит ничего: ни поля, ни дома, ни скот; что все это будет дано в займы, в пользование владельцем земли, которому они взамен должны будут платить аренду, т.е. отдавать часть продуктов своего труда, для которого он снабдит их нужными орудиями. Нужно было бы, с другой стороны, объяснить им, что свободный труд принесет им по меньшей мере такое же благосостояние, как и труд крепостной, и что свобода, защитив их раз и навсегда от всех зол крепостного состояния, слишком хорошо им известных и ими испытанных, принесет новые, еще неведомые им блага, даже более ценные и завидные, нежели само благосостояние» [там же].

Примечательно, что И.С. Тургенев, как и в совместной с Виардо статье 1846 г., идет здесь вослед Н.И. Тургеневу, отдавая предпочтение освобождению крестьян без земли. Но полного совпадения взглядов либерала александровской эпохи и западника 1840-х гг. все же не наблюдается. Первый говорил о выходе на свободу с усадебной оседлостью. Позиция второго была более жесткой: она не предполагала признания за крестьянином, освобождавшимся от крепостной зависимости, права даже на обладание усадьбой и ее основными атрибутами.

В контексте борьбы внутри высшей бюрократии и дворянства по вопросам реформы, развернувшейся во второй половине 1850-х гг.,

решения, которые предлагались Николаем и Иваном Тургеневыми на рубеже 1840–50-х гг., не могли, конечно, квалифицироваться как либеральные. Защита принципа безземельной свободы была к тому времени «визитной карточкой» реакционера-крепостника. Доказать свой либерализм можно было, только дополнив провозглашение крестьянской свободы признанием необходимости ее ресурсной гарантии. Тургенев, кстати, сам зафиксировал смещение разделительной линии в настроениях основной массы помещиков. «Большинство дворянства противится не освобождению людей (здесь все единодушны), а передаче им части земель; тем не менее, следует надеяться, что правительство, опираясь на меньшинство, доведет дело до благополучного конца», – писал он П. Виардо 18(30) ноября 1858 г. [3, т. 3, с. 403]. Определить более или менее точно время, когда И.С. Тургенев оказался внутри «меньшинства», – задача не из легких. Но произошло это определенно до того, как твердо обозначилось намерение правительственных верхов пойти на освобождение крестьян с существующим земельным наделом.

О необходимости двигаться именно к этой цели было впервые сказано в новой программе реформы 4 декабря 1858 г., появившейся спустя полгода после апрельской программы для губернских комитетов. Что же касается Тургенева, то он уже через несколько дней после объявления рескрипта Назимову писал Л.Н. Толстому 25 ноября (7 декабря) 1857 г.: «я решился посвятить весь будущий год на окончательную разделку с крестьянами; хоть все им отдам – а перестану быть «барин»». На это я совершенно твердо решился – из деревни не выеду, пока всего не кончу» [3, т. 3, с. 275]. «Я готов на все жертвы», – открывал Тургенев свои намерения в деле устройства крестьян в письме Д.Я. Колбасину 8 (20) апреля 1858 г. [3, т. 3, с. 317]. В словах «всё им отдам», «готов на все жертвы» превалировала, конечно, эмоция, но за ней стояло осознание и неотвратимости, и справедливости уступки части земли бывшим крепостным. Реальный же размер этой уступки – прежде всего в собственных деревнях – Тургеневу еще предстояло уточнить.

Тургеневские оценки рескрипта Назимову от 20 ноября 1857 г. и сопутствовавших ему документов, еще не предпринявших, как известно, вопроса о земельном наделе, неизменно высоки. Этот отправной в деле отмены крепостного права документ подтверждал справедливость оценки будущего императора Александра II как «твердого» ревнителя крестьянской свободы. Она, как мы уже знаем, прозвучала из уст Тургенева в совместном с Луи Виардо выступлении на страницах «Revue de Paris» в январе 1857 г. Но здесь же Тургенев поделился и серьезными

опасениями насчет возможного неприятия реформы двумя ее «адресатами»: дворянством и крестьянами. К началу 1858 г. эти опасения, прежде всего в отношении дворянства, ничуть не рассеялись, о чем свидетельствует содержание «Записки об издании журнала “Хозяйственный наблюдатель”». Она была подготовлена Тургеневым в январе 1858 г. Инициатором создания этого документа выступил Д.А. Оболенский, он же и переслал ее А.В. Головнину, тогда секретарю вел. кн. Константина Николаевича, для передачи царю.

«Я уже упомянул о слабом сочувствии наших дворян к намерениям правительства насчет освобождения крестьян; я мог бы сказать более, – писал здесь Тургенев. – Дворяне наши страшатся этих намерений; они страшатся за свое будущее, за самое существование» [1, т. 12, с. 353]. Тургенев сетовал на «малую образованность нашего дворянского сословия». Именно она и «будет едва ли не главным препятствием к приведению в исполнение предполагаемых мер». В подавляющем своем числе помещики не знакомы не только «с теорией, но даже просто с несколько разумной практикой земледелия, которое их питает» [там же, с. 354]. Тургенев боялся, что губернские комитеты по крестьянскому делу, создание которых еще только предстоит, станут совсем не опорой царю, решившемуся на «подвиг» освобождения русского крестьянина, а всего лишь органами «для утверждения и охранения того, что оно (дворянство. – В.К.) считает своими правами» [там же, с. 351].

В сложившейся ситуации «власти недействительной и даже слабой, при всем своем вообще громадном могуществе» предстояло многое сделать для того, чтобы «внести свет в этот хаос, придать стройность и порядок неурядице сбивчивых и противуречащих мнений». Средством для решения подобной задачи могло бы стать «возбуждение и призывание всех живых общественных сил к дружному содействию царю». Эти общественные силы воплощались в русской науке и русской литературе [там же, с. 352]. Главным условием успешности их действия являлась, разумеется, гласность. Ежедневный журнал и должен был, считал Тургенев, «устранить недоразумения, противодействовать необдуманности и упорству», «показать помещикам, в чем собственно состоит дело, какого рода требуются от них временные уступки и каким образом эти же самые уступки вознаграждаются со временем, когда весь наш земледельческий быт установится на прочных основаниях» [там же, с. 354].

Александр II не дал ходу тургеневской записке о «Хозяйственном наблюдателе». Прави-

тельственному еженедельнику по крестьянскому вопросу не суждено было состояться.

Пугал Тургенева не только тот факт, что рескрипт Назимову застал врасплох основную массу русского дворянства. Непредсказуемость настроений крестьянства, возможные волнения как реакция на приступ к реформе также порождали беспокойство. «А ведь странные могут случиться вещи в русских деревнях в 1858-м и следующих годах!» — писал он Е.Л. Черкасской в марте 1858 г. [3, т. 3, с. 309].

Еще до начала работы губернских комитетов, открывшихся в 1858 г., для Тургенева, как мы уже знаем, было очевидно, что дворянство в своем подавляющем большинстве далеко не готово идти навстречу правительству в его реформаторских начинаниях. Об этом выразительно говорили не только содержание записки о «Хозяйственном указателе», но и рассыпанные по его письмам этого года оценки настроений в дворянской среде. Результаты выборов в губернские комитеты подтверждали эти наблюдения: он увидел в их составе «людей самых озлобленно-отсталых». Но не находя для характеристики состояния дворянских умов иных слов, кроме как «реакция», «тупое упорство», «скарденная глупость», он все-таки не терял оптимизма. Ведь «камень покатился под гору», и удержать его было уже нельзя.

Как помещик, Тургенев, конечно, не мог не интересоваться в первую очередь тем, что происходило на дворянских съездах и в комитетах по крестьянскому делу в Орловской и Тульской губерниях (на границе между ними находилось тургеневское Спасское-Лутовиново). Интерес этот реализовался не только в наблюдении со стороны, но и, при возможности, в непосредственном участии в сословных акциях. Правда такой случай имел место всего лишь однажды, но он оставил документальный след и, безусловно, важен для понимания того, в каком направлении эволюционировали взгляды писателя по крестьянскому вопросу.

1–4 сентября 1858 г. состоялся съезд дворян Тульской губернии, где был принят «акт 105-ти». Подписавшие его (а среди них был И.С. Тургенев) признали необходимым прекратить всякие обязательные отношения между помещиками и крестьянами, для чего освободить крестьян «с наделом некоторого количества земли» и вознаградить помещиков «посредством какой-либо финансовой меры» [10, с. 131]. Как бы ни был осторожен этот «акт» в определении условий выхода крестьян на свободу, он, явно опережая правительственную программу 4 декабря 1858 г., уже не совсем гармонировал с тем безотрадным коллективным портретом русского дворянства, который рисовался Тургеневым в 1857–1858 гг.

Следующий, 1859 год не поселил в Тургенева тревоги относительно исхода в решении крестьянского вопроса. Он выглядел большим оптимистом в оценке работы Редакционных комиссий во главе с Я.И. Ростовцевым, которая началась 4 марта 1859 г. «Могу вам сказать, — говорилось в его письме Н.И. Тургеневу от 5(17) декабря 1859 г., — что великое дело освобождения идет успешно, что генерал Ростовцев пользуется по-прежнему полным доверием императора — и что есть все основания думать, что Указ будет обнародован весной» [3, т. 4, с. 423]. Однако смерть Я.И. Ростовцева, последовавшая 6 февраля 1860 г., была воспринята Тургеневым как событие «бедственное»: он сразу же ощутил угрозу поворота вспять в деле подготовки отмены крепостного права (см. письмо Н.И. Тургеневу от 10 февраля 1860 г.) [там же, с. 153]. Писатель несколько не ошибался в своих опасениях. Председателем Комиссий был назначен министр юстиции В.Н. Панин — человек, мягко говоря, с далеко не либеральной репутацией.

«Хотя Александр II поставил перед Паниным условие не пересматривать основных положений трудов Редакционных комиссий, — пишет Л.Г. Захарова, — все же назначение его имело, очевидно, целью успокоить крепостников, а также держать под контролем либеральных лидеров Комиссий» [10, с. 202]. Ревизуя, в сущности, труды Редакционных комиссий периода Ростовцева, В.Н. Панин отвергал идею обязательности выкупа как конечной цели реформы, считал излишним определение нормы надела при выкупе, выступал против принципа неизменности повинностей. Панин, как отмечает Л.Г. Захарова, «оказывал определенное влияние на депутатов второго призыва, подогревая в них надежды на возможность пересмотра программы Комиссий» [там же, с. 206]. А депутаты второго призыва, в свою очередь, требовали сохранения дворянского землевладения в полном объеме и после отмены крепостного права, высказывались за возможность для крестьян свободного выхода из сельского общества.

Редакционные комиссии были закрыты 10 октября 1860 г. Панинский период в деятельности этого органа стал для Тургенева временем, когда дело крестьянского освобождения «пошло скорой рысью назад» [3, т. 4, с. 237].

После смерти матери в 1850 г. Тургенев получил в наследство 5500 десятин земли и 1925 душ крепостных крестьян, т.е. стал крупным помещиком. Его деревни располагались в Тульской, Калужской, Орловской и Тамбовской губерниях [11, с. 228; 12, с. 485–486]. Теперь ему предстояло помирить между собой свои либеральные взгляды, гуманизм, народолюбие с немалыми материальными потребностями, кото-

рые требовали погружения в хозяйственные заботы.

В начале 1850-х гг. он скромно оценивал свои способности к решению административно-хозяйственных проблем. Вот его признание, прозвучавшее в одном из писем: «Я едва ли не намерен отказаться от управленья моим имением; на это нужны способности, которых я в себе не признаю, и особого рода твердость характера, которой во мне нет. Верно – шелкоперы должны оставаться шелкоперами до конца дней своих. <...> Я русского мужика знаю, но возиться с ним не умею и не могу – не так создан, что прикажете делать!» [3, т. 2, с. 273]. Разумеется, он не мог обходиться без помощников в деле управления своими имениями.

Получив наследство, Тургенев «немедленно отпустил всех дворовых на волю» и «пожелавших крестьян перевел на оброк». Он отчитался об этом шаге в 1874 году в письме к С.А. Венгеру, работавшему тогда над книгой о писателе [3, т. 13, с. 120]. Если верить И.Ф. Рынде, то отпуск дворовых сопровождался наделением их землей [13, с. 26].

В письмах 1857–1858 гг. можно найти не одно признание Тургенева в том, что он тяготеет к лежачим на нем «клеюм владельца душ» и желает поскорее стать просто «землевладельцем». «Окончательная разделка с крестьянами», планировалась на 1858 г. В своей локальной предреформе (надеемся на корректность этого понятия) Тургенев собирался достичь такого результата, чтобы приближавшееся общероссийское освобождение уже ничего не изменило в его отношениях с крестьянами.

Основная часть работы по приготовлению тургеневских крестьян к свободе пришлось на 1859 г. Что представляли собой нововведения в Спасском и других деревнях, осуществленные их владельцем и его дядей Н.Н. Тургеневым, управлявшим тогда имениями писателя? Ответ на этот вопрос можно найти в двух письмах И.С. Тургенева. Первое, от 22 октября (3 ноября) 1859 г., адресовано И.С. Аксакову, второе, от 10 (22 февраля) 1860 г. – Н.И. Тургеневу.

«Трудно предвидеть – к какому окончательному результату придет всё дело: кажется, умеренный надел восторжествует – хотя многие не желают этого, – говорилось в письме Н.И. Тургеневу. – Я у себя в деревнях уже покончил дело: отрезал крестьянам к одному месту землю по прежнему их владению и назначил им оброк по 3 р. сер. с десятины, безо всяких других повинностей. Переселяться я никого не заставлял – но желающим выдавал сруб и всё нужное для постройки безденежно, оставляя им владение старыми конопляниками на три года» [3, т. 4, с. 153]. Господскую землю в двух имениях Тургенев собирался обрабатывать «вольным тру-

дом», а землю в «прочих имениях» намеревался «отдавать внаймы». К этому отчету требуется одно уточнение. Слова «назначил им оброк» не следует понимать как констатацию состоявшегося перевода крестьян на этот вид повинности. Он был лишь частично осуществлен (включая Спасское) только в 1860 г. [там же, с. 339, 340].

Убытки, которые Тургенев должен был понести в результате «размежевания» с крестьянами, оценивались им самим в более чем четверть годового дохода. Но он все-таки надеялся, что «результаты вольного труда и употребленного капитала» восполнят эту потерю. Никаких сомнений в своевременности и правильности предпринятых шагов не было – ведь сделанным обеспечивался, по его убеждению, «переход в новый быт». И этот выстроенный им новый порядок не окажется, как он считал, «в разладе» с тем, на что решится в реформе правительство.

Отзвуки преобразований, начатых в тургеневских деревнях в 1859 г., отчетливо слышатся в тех фрагментах «Отцов и детей», где фигурирует Николай Петрович Кирсанов. Напомним: действие романа начинается в мае 1859 г. Читателю сообщается, что владелец Марьино к этому времени успел размежеваться со своими крестьянами, перевести их на оброк, отстроить себе новую усадьбу на «ровном и голом поле», завести «ферму», где должны были трудиться «наемные работники». Однако эти «ленивцы», по определению Базарова, пока не радовали новообращенного фермера, да и крестьяне, переведенные на оброк, уклонялись от его уплаты. «Недавно заведенное на новый лад хозяйство скрипело, как немазаное колесо, трещало, как доделанная мебель из сырого дерева», – пишет автор [1, т. 7, с. 35]. «Хлопоты по ферме росли с каждым днем – хлопоты безотрадны, бестолковы» [там же, с. 130]. При всем том Николай Петрович, старавшийся «не отстать от века», стяжал в губернии репутацию «красного».

Момент «хозяйственного» автобиографизма присутствовал и в романе «Дым», работа над которым была завершена в 1866 г. Здесь читатель оказывается уже в обстановке после 19 февраля 1861 г.

Но вернемся к самому Тургеневу. Как либерал-западник он не мог не заострить внимания своих адресатов на проблеме отношения крестьян к общине. С ней он столкнулся в ходе своей преобразовательной деятельности. Если в письме Н.Н. Тургеневу реформатор образца 1859–1860 гг. ограничился только краткой репликой: «на круговую поруку крестьяне соглашаются неохотно», то в письме к еще не обратившемуся тогда в славянофильство И.С. Аксакову он позволил более пространное суждение. Приведем его: «О мире, об общине, о мирской ответственности в наших околотках никто

слышать не хочет, — писал Тургенев, — я почти убеждаюсь, что это надо будет наложить на крестьян в виде административной и финансовой меры: сами собою они не согласятся — т.е. они дорожат миром — только с юридической точки зрения, — как *самосудством*; если можно так выразиться, но никак не иначе» [3, т. 4, с. 101]. Таким образом, сама «земля» давала веский аргумент для развенчания славянофильской идеализации общинного начала. Но с ним все же приходилось мириться — хотя бы как с временной административно-финансовой институцией.

И.С. Тургенев не был пионером практического движения навстречу крестьянской реформе в том кругу людей, к которым он испытывал человеческие симпатии и идейное тяготение. Николай Тургенев в этом случае опередил писателя. Получив помилование и вернув право на владение частью недвижимого имущества, декабрист возвратился в Россию в мае 1857 г. и тотчас же приступил к решению крестьянского вопроса в принадлежавшем ему селе Стародуб в Тульской губернии. Договор с крестьянами этого села Тургеневу удалось опубликовать только в 1859 г. в газете «Северная пчела» (№ 246). Иван Тургенев, несомненно, знал об этом опыте своего кумира в крестьянском деле. Поэтому, памятуя о моментах идейного влияния Николая Ивановича на Ивана Сергеевича на рубеже 1840–50-х гг., будет небезынтересно еще раз сопоставить между собой не только их взгляды, какими они стали к концу 1850-х гг., но и осуществленные практические шаги.

Н.И. Тургенев перевел крестьян своего имения на оброк в размере 20 руб. серебром с тягла и тут же предложил им выйти на волю. При этом общине безвозмездно передавалась в собственность 1/3 помещичьей земли. Остальные две трети ее предназначались для аренды крестьянам. Вплоть до начала реформы в статьях, печатавшихся в «Голосах из России» и «Русском заграничном сборнике», а также официальных записках и письмах, Н.И. Тургенев последовательно отстаивал принцип безвозмездного наделения крестьян малым наделом (подробнее об этом см.: [14; 15]).

В проекте Николая Тургенева и его реализации хорошо прочтываются желание скорейшего обретения крестьянами свободы и одновременно стремление по возможности уменьшить земельные потери помещиков. В первом случае Тургеневы были единодушны, во втором — либерализм младшего выглядел более «прокрестьянским» в отличие от, скажем так, «продворянского» либерализма старшего.

Какие же выводы можно сделать уже из первой части нашего исследования?

Очевидно, что всякая попытка обобщить и концептуализировать фактический материал по

истории мыслительной и практической работы И.С. Тургенева в области крестьянского вопроса в 1840–1850-е гг. будет упираться в ключевую проблему — авторство «Записки о крепостном праве в России». Мы присоединились к сторонникам атрибуции этого произведения Тургеневу и попытались найти дополнительные аргументы в пользу такого решения. Сравнительный анализ программных частей «России и русских» Н.И. Тургенева и «Записки о крепостном праве в России» И.С. Тургенева позволил выявить несомненные следы рецепции последним того видения отмены крепостного права в России, которое предлагалось авторитетным либеральным экономистом во второй половине 1840-х гг. Этот факт может трактоваться как еще одно свидетельство того, что «Записка» вышла из-под пера писателя.

Итак, будучи сторонником ликвидации крепостничества, Тургенев не сразу пришел к убеждению в необходимости обеспечения крестьянской свободы земельной собственностью. Но перелом в его взглядах все-таки произошел. Дистанцировавшись от постулатов классического европейского либерализма о верховенстве экономической свободы и неприкосновенности частной собственности, он влился в ряды русских либералов, — а они в своем большинстве уже признавали необходимость отчуждения части помещичьей земли крестьянам за выкуп. Но выяснить мотивы и обстоятельства этой трансформации во взглядах Тургенева пока, к сожалению, не удастся. Бесспорно только, что сдвиг произошел не позднее 1857 г., и парижская публикация «Записки о крепостном праве в России» в начале этого года могла уже выглядеть в глазах ее автора анахронизмом.

Свои надежды на успех реформы как необратимого, решительного шага к крестьянской свободе Тургенев связывал, прежде всего, с твердостью антикрепостнической позиции Александра II и деятельностью либеральной части правительственной бюрократии, наиболее авторитетными представителями которой были в его глазах Я.И. Ростовцев и Н.А. Милютин. Свою же миссию Тургенев видел в просветительском воздействии на дворянство, чей страх перед предстоящим освобождением был, на его взгляд, главным препятствием на пути к этой цели.

Антиреформистский потенциал крылся и в психологии крестьянства. Участвовать в преодолении этого рода протеста Тургенев мог только в непосредственном общении со своими крепостными, через изменение условий их жизни, не дожидаясь объявления реформы. Делалось это уже с опорой на свою обновленную экономическую доктрину, в соответствии с планами главных правительственных реформаторов.

Список литературы

1. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения. В 12 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1978–1986.
2. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 11. М.: Изд-во АН СССР, 1949. 587 с.
3. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. В 30 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1982–2018.
4. Ден Т.П. Записка Тургенева 1857 г. о крепостном праве // Тургеневский сборник. Материалы к полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева. Вып. IV. Л.: Наука, 1968. С. 107–120.
5. Тарасова В.М. О времени знакомства Тургенева с Н.И. Тургеневым // Тургеневский сборник. Материалы к полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева. Вып. I. М.–Л.: Наука, 1964. С. 276–278.
6. Тургенев Н.И. Россия и русские / Пер. с фр. М.: ОГИ, 2001. 743 с.
7. Буренин В.П. Литературная деятельность Тургенева. 2-е изд. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1884. 264 с.
8. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. Т. 12. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 596 с.
9. Голованова Т.П., Назарова Л.Н. Новые работы французских славистов о Тургеневе // Русская литература. 1973. № 3. С. 221–229.
10. Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861. М.: Изд-во Московского ун-та, 1984. 256 с.
11. Заборова Р.Б. Тургенев и его дядя Н.Н. Тургенев // Тургеневский сборник. Материалы к полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева. III. Л.: Наука, 1967. С. 221–234.
12. Новикова Е.Б. Тургенев – землевладелец // И.С. Тургенев. Новые исследования и материалы. Вып. 4. К 200-летию И.С. Тургенева (1818–2018). М.; СПб.: Альянс – Архео, 2016. С. 485–502.
13. Рында И.Ф. Черты из жизни Ивана Сергеевича Тургенева. СПб., 1903.
14. Тарасова В.М. Н.И. Тургенев в 1861 г. // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М.: Наука, 1963. С. 426–443.
15. Пискунова А.В. Декабрист Н.И. Тургенев в эпоху Великих реформ // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2016. № 3. С. 3–15.

**IVAN S. TURGENEV – A THEORIST AND PRACTITIONER
OF PEASANT AFFAIRS IN RUSSIA (PART I)**

V.A. Kitaev

Ivan Turgenev's views in 1840–50s on the abolition of serfdom in Russia are considered. The moments of their change in connection with the transformation of Turgenev's liberalism as a whole are revealed, the economic practice of Turgenev as the landowner on the eve of the 1861 reform is characterized. The influence of the Decembrist Nikolai I. Turgenev's ideas on the position of the writer is analyzed as well as the differences between them in preparing their peasants for liberation. An attempt has been made to strengthen the argumentation in favor of Ivan Turgenev's authorship of «The Note on Serfdom in Russia».

Keywords: Ivan S. Turgenev, Nikolai I. Turgenev, abolition of serfdom in Russia, Liberalism, economic freedom, land plot, peasant community, «The Note on Serfdom in Russia».

References

1. Turgenev I.S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. Sochineniya. V 12 t. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Nauka, 1978–1986.
2. Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenij. T. 11. M.: Izd-vo AN SSSR, 1949. 587 s.
3. Turgenev I.S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem. V 30 t. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Nauka, 1982–2018.
4. Den T.P. Zapiska Turgeneva 1857 g. o krepostnom prave // Turgenevskij sbornik. Materialy k polnomu sobraniyu sochinenij i pisem I.S. Turgeneva. Vyp. IV. L.: Nauka, 1968. S. 107–120.
5. Tarasova V.M. O vremeni znakomstva Turgeneva s N.I. Turgenevym // Turgenevskij sbornik. Materialy k polnomu sobraniyu sochinenij i pisem I.S. Turgeneva. Vyp. I. M.–L.: Nauka, 1964. S. 276–278.
6. Turgenev N.I. Rossiya i russkie / Per. s fr. M.: OGI, 2001. 743 s.
7. Burenin V.P. Literaturnaya deyatel'nost' Turgeneva. 2-e izd. SPb.: Izdanie A.S. Suvorina, 1884. 264 s.
8. Belinskij V.G. Polnoe sobranie sochinenij. T. 12. M.: Izd-vo AN SSSR, 1956. 596 s.
9. Golovanova T.P., Nazarova L.N. Novye raboty francuzskih slavistov o Turgeneve // Russkaya literatura. 1973. № 3. S. 221–229.
10. Zaharova L.G. Samoderzhavie i otmena krepostnogo prava v Rossii. 1856–1861. M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1984. 256 s.
11. Zaborova R.B. Turgenev i ego dyadya N.N. Turgenev // Turgenevskij sbornik. Materialy k polnomu sobraniyu sochinenij i pisem I.S. Turgeneva. III. L.: Nauka, 1967. S. 221–234.
12. Novikova E.B. Turgenev – zemlevladelec // I.S. Turgenev. Novye issledovaniya i materialy. Vyp. 4. K 200-letiyu I.S. Turgeneva (1818–2018). M.; SPb.: Al'yans – Arheo, 2016. S. 485–502.
13. Rynda I.F. Cherty iz zhizni Ivana Sergeevicha Turgeneva. SPb., 1903.
14. Tarasova V.M. N.I. Turgenev v 1861 g. // Revolyucionnaya situaciya v Rossii v 1859–1861 gg. M.: Nauka, 1963. S. 426–443.
15. Piskunova A.V. Dekabrist N.I. Turgenev v epohu Velikih reform // Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 8. Istoriya. 2016. № 3. S. 3–15.